Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств.

А.И. Солженицын

Кубанский писатель

№ 8

август 2010 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

Событие

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ДАЧИ И ПРОЧИЕ НАШИ УДАЧИ

В середине нынешнего жаркого лета в Москве прошло заседание президиума Литературного фонда России, на котором горячо обсуждалась экономическая деятельность и политика руководства организации. В работе президиума приняла участие директор Краснодарского отделения ЛФ России С.Н.Макарова.

Председатель Литфонда, он же — первый заместитель председателя президиума по финансово-экономическим и организационным вопросам – директор Международного литературного фонда и председатель исполкома Международного сообщества писательских союзов Иван Иванович Переверзин собрал представителей регионов для решения ряда важных вопросов. Он сообщил, что многодневная и «кровопролитная война» по передаче переделкинских земель коммерческим структурам, не стала для писателей ещё одним поражением, хотя на страницах всех ведущих литературных изданий России битвы велись нешуточные, а в судах и администрациях разных рангов не утихали горячие сражения. В результате борьбы сорок четыре гектара, стоимость которых оценивается в полмиллиарда долларов, остаются в собственности писателей, и подготовлены документы по подписанию договора по приватизации земли. Дом творчества в Переделкино стал вполне рентабельным предприятием, проводится капитальный ремонт, отчисляются средства в ЛФР, что позволит фонду продолжить издательскую деятельность и оказывать помощь нуждающимся.

Ещё одной победой стало восстановление деятельности Дома творчества в Комарово. Элитный район в окрестностях Санкт-Петербурга снова стал вполне доступным местом отдыха для писателей. В старинном особняке полностью отремонтирован административный корпус, построена котельная, заменены коммуникации. На президиуме Литературного фонда России принято решение начать строительство нового корпуса на 40 мест.

В планах и строительство в Сочи, что особенно интересно для кубанских литераторов. Наконец завершён судебный процесс, в результате которого семь гектаров земли в столице Олимпиады -2014 года снова принадлежат фонду. Как признался И.И. Переверзин, его мечта выстроить ось Сочи-Москва- Комарово, которая позволит писателям Севера и Юга России поправлять здоровье в благоприятной климатической зоне, становится реальностью. Сейчас решается вопрос подписания договора с застройщиками.

Но до прекращения битв и полного замирения ещё далеко. Писательские дачи во Внуково — лакомый кусок для тех, кто привык забирать чужое, используя обманы и подкупы. За Внуково, похоже, бригаде юристов Литфонда во главе с председателем побороться придётся ещё немало. Тянутся суды и по признанию легитимности последней отчётно-выборной конференции ЛФ.

И всё же добрых вестей оказалось больше. В конце заседания президиума В. Г.Середин, генеральный директор Союза писателей России, порадовал присутствующих сообщением, что старинный особняк в

Здание литфонда г. Москва

Москве на проспекте Комсомольском, 13, где много лет располагается Союз писателей России, передан головной творческой организации в бессрочную и безвозмездную аренду. Заседание президиума закончилось аплодисментами.

СОБИНФО

У Вишнёвого омута

Село Монастырское Саратовской области… Утренняя перекличка соловьёв.

Пулемётные очереди лягушачьих мелодий. Коровьи вздохи. Гогот потревоженных дворнягами гусей.

Иглы взошедшего солнца, больно ударившие по глазам, заставили меня пробудиться, как мне думалось, первым.

Я глянул вниз с дюжины горячих перин. Сюда, под самый потолок, глубокой ночью после бесконечных рассказов, стихов и песен под балалайку водрузили меня Михаил Николаевич и его тёзка по фамилии Одиноков. Фамилия Одиноков с удивительной точностью соответствовала и его дому, стоящему на отшибе села в зарослях ольхи, и самому Михаилу Петровичу, в одиночку ведущему уже не один десяток лет своё нехитрое крестьянское хозяйство.

В доме никого не было. Спустившись на рассохшийся от времени деревянный пол, весь в пуху и перьях, как если бы мне довелось ночевать в курятнике, я вышел на солнце и пошёл к деревне по мокрой траве вдоль непроглядных зарослей черёмухи, ивняка, ольхи, ежевики, хмеля…

Навстречу мне, балансируя на скользкой тропинке, как циркач на канате, приближался Михаил Николаевич, с лицом счастливого прихожанина, возвращающегося с утренней молитвы.

– Я уже сбегал на Вишнёвый омут. К моим дружкам. Поздороваться.

Рядом в песне зашёлся соловей.

– Вот ещё один… Здравствуй, дружок!

– Да это же – развёл руками я, – Три километра туда. Да три обратно!

– Для бешеной собаки семь вёрст не крюк. Пошли завтракать.

В доме, построенном на месте не уцелевшего родового гнезда Михаила Николаевича, откуда вчера вечером под шум гостей мы незамеченными (так нам казалось!) ушли на ночлег к Одинокову, нас уже ждали. Хозяева дома, Наталья и Василий, щедро накрывали стол. Прибывший из Саратова поэт Николай Палькин с заговорческим видом (было слышно «как у него работали мозги»!) уже сочинял дружески-язвительные стихи по поводу нашего ночного отсутствия и выдававших нас «предательских перьев» на моем костюме. Михаил Николаевич, приняв мою сторону, мгновенно включился в игру, проявив при этом незаурядный поэтический дар экспромта.

Стихи рождались со скоростью мысли. Гости смеялись до боли в затылках.

Чтобы никого не обидеть, я отвечал «дипломатическими» строчками. Так можно и «заиграться»…

— Не стесняйся! – подбадривал меня Михаил Николаевич, – Отсутствие юмора — это недостаток ума, а здесь, ты же видишь, народ не глупый.

У сельского клуба, зная о приезде своего великого земляка, с утра толпился народ, боясь пропустить долгожданную встречу. Еще не утратив веры в силу писательского слова, они видели в нём единственного спасителя своего разорённого перестройкой села.

Они наивно полагали, что достаточно одного слова Алексеева, сказанного кому-то в Москве, и вновь зацветут их поля, заурчат трактора и комбайны, а о своих позорных пенсиях они будут вспоминать только в страшных снах…

(Продолжение на стр. 2)

В Краснодаре в Доме учёных прошла встреча с молодыми московскими писателями (вверху слева направо) И. Абузяровым, и С. Шаргуновым

«Поэзия Юга России», «Проза Юга России»

Объявление

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России объявляет о начале работы культурно-просветительского издательства «Кубанский писатель» над сериями «Поэзия Юга России» и «Проза Юга России». КПИ «Кубанский писатель» оказывает содействие профессиональным писателям и начинающим авторам в издании их произведений.

Контакты: e-mail: id-kp@mail.ru Телефон: 8-918-355-08-71

Внимание!

Официальный сайт Краснодарского регионального отделения России открыт по адресу **www.sprossia.narod.ru**

У Вишнёвого омута

Выдающийся русский писатель, снискавший всенародную любовь уже в начале своего творческого пути, М.Н. Алексеев представляет собою тот тип русского человека, само присутствие которого в нашей памяти полностью обессмысливает новейшую историю России. В самом деле, не для того же юный Михаил Алексеев готов был погибнуть в окопах Сталинграда, чтобы только какой-нибудь Абрамович пользовался плодами великой Победы, а большинство россиян не могли прожить на свою зарплату? Не для того же в своих книгах он утверждал мысль о высоком предназначении человека, чтобы человеческое достоинство каждого россиянина было растоптано социал-дарвинистской революцией конца XX века? Одним словом, когда три года назад М.Н. Алексеева не стало, это печальное событие постарались не заметить все государственные телеканалы. А в 2008 году, когда исполнилось 90 лет со дня его рождения, новый агитпроп России сделал вид, что выдающегося народного писателя, автора повести «Ивушка неплакучая», на которой выросло не одно поколение россиян, и автора романа «Драчуны» о голодоморе в Поволжье – у нас никогда не было...

(Окончание. Начало на стр. 1)

Восьмидесятипятилетняя одноклассница, согбенная временем, но не утерявшая врожденного чувства юмора, по девичьи дерзко доказывала Михаилу Николаевичу, что он стал великим писателем только потому, что «списывал у неё» на уроках русского языка, так как они сидели за одной партой.

«Списывал» ли он у неё или нет, мне не удалось выяснить, но то, что он с душевным трепетом иконописца, списывал с неё своих многострадальных Журавушек, Фенюшек, Фрось и Вишенок, чьим непомерным до самоотречения крестьянским трудом, бессоницами, слезами и молитвами была не раз спасена Россия, – в этом не было никакого сомнения.

А на крохотной сцене сельского клуба сегодняшние монастырские драчуны изображали Алексеевских драчунов века прошлого. Они играли с такой откровенностью, с таким задором, с таким не актерским знанием своего дела, что, узнавая в них самого себя, Михаил Николаевич долго не мог расстаться с юными артистами, как будто, обнимая их, он мог вернуть свою молодость.

Чуть позже мы сидели у троюродной сестры Михаила Николаевича – Полины (он называл её Полей), которая без устали одаривала нас афоризмами и душистой клубникой, с гордостью показывала свои десять соток ухоженной земли, засеянные луком, которые она самостоятельно обрабатывала в свои девяносто слишком лет. При этом беспрерывно шутила, а мы улыбались. Улыбались, хотя картина была не из весёлых, и почему-то наворачивались слезы. Наверное, от лука…

Вспомнили мать Михаила Николаевича Ефросинью Ильиничну, «безрассудно» отправившуюся в революционном семнадцатом году отсюда на Урал, в Челябинск, чтобы проведать своего служивого мужа. Её уговаривали родственники и соседи отказаться от столь неразумной затеи:

— Куда ты? У тебя уже трое ртов. Привезёшь четвёртый, и всех надо кормить!

Но долг сердобольной русской женщины и любовь сделали своё дело, и, родившийся «по теплу» восемнадцатого года (М.Н. дважды отмечал день рождения: весной и осенью) в Саратовском селе озорной мальчишка долго не мог избавиться от клички «Мишка Челябинский», а на вопросы сына: — Почему меня так странно дразнят? – мать, краснея, уходила от ответа…

Вспомнили и щемящие сердце песни Ефросиньи Ильиничны, которыми она лечила свою натруженную душу. Вот уж, воистину, «о чём не поплачешь, о том не споёшь»! Михаил Николаевич знал все её песни, пел их самозабвенно, при этом умудряясь комментировать каждое слово. Легонько постукивая пальцами по краю стола, он с гипнотической силой погружал нас в свои воспоминания…

Тятька, тятька, тятька родный,
Зачем замуж меня отдал
Не за ровню, не за пару?..
Я любить его не стану…

Всё становилось зримо и ощутимо. И поющая матушка, и, чуть поскрипывающая, прялка и, рыжий котёнок, гоняющийся за клубком только что спрядённой шерсти…

Из под камушка, из под белыва,
Там текёт река, река быстрая.
Там текёт река, река быстрая,
Река быстрая, вода чистая.
Как по той-то реке вел донской казак,
Не коня вёл поить,
А жену топить…
А жена та мужа уговаривала:
—Уж ты муж ты мой
Не топи ты меня…

Потом далеко за селом, в степи, на открытом всем ветрам кладбище, где каждый крест ему бесконечно горек и дорог, он долго и отрешённо будет стоять у её могилы, опершись о скромную оградку.

А по другую сторону села нас ожидал Вишнёвый омут.

Михаил Николаевич не мыслил себе жизни без этого Святого для него места. Он должен был хотя бы раз в году обязательно посетить его, привезти сюда своих друзей.

Омут «кругл, глубок и мрачен», но именно здесь, в чёрной таинственной глубине его, как мне теперь думается, и зародился солнечный талант великого русского писателя.

Ему, как дыхание, необходимы были приезды сюда, чтобы поднять с невесть откуда опустившейся скатерти-самобранки рюмку Монастырской водки, услышать размеренный, ни с чем не сравнимый звук падающих в осоку капель (настоящих слёз!) плакучих Монастырских ив, забросить, без всякой надежды на удачу, удочку в золотистые струи Игрицы.

По дороге к омуту, вновь пересекая село, мы остановились у моста.

Вдоль дороги, среди занявшейся зелени кое-где ещё дымилась прошлогодняя полынь. Михаил Николаевич сорвал веточку полыни, тщательно растёр её в ладонях, принюхиваясь, как охотник, уловивший только ему одному известный след.

Мне показалось, что он что-то пытается вспомнить и не может…

Да это был мост, который соединил деревенского мальчугана с Большой Землёй. По этому мосту в тридцать шестом году он ушёл, чтобы стать студентом Аткарского педтехникума. Этот мост начало большой, огненной дороги, пролегшей через Халхин-Гол, Сталинград, Прохоровское поле, Днепр, Прагу, Вену.

Это было дорога от неизвестности к славе. Но о чём сейчас он так мучительно вспоминал?

Через несколько дней, уже на даче в Переделкине он, как драгоценный клад, зарытый от чужих глаз в большой кастрюле с мукой, извлёк, ещё неведомый для мира, небольшой, перевязанный тонкой тесёмкой свёрток, и с таинственным видом повёл меня в свою комнату, к столу.

Это были фронтовые письма, написанные шестьдесят лет назад, в Сталинградских окопах, «под непрерывным обстрелом с воздуха и земли».

Письма, адресованные его девятнадцатилетней подруге из уральского города Ирбита Оле Кондрашенко (после войны она жила на Украине и скончалась незадолго до смерти М.Н.). Письма, которые сохранила Женщина, как память о первой и единственной любви, оберегая их более полувека, как самое дорогое в её жизни, и решилась вернуть автору, узнав о том, что он работает над романом «Мой Сталинград».

Михаил Николаевич долго не решался показывать их ни друзьям, ни родственникам, ни супруге, дабы не травмировать её женское сердце. Он был счастлив, когда, узнав о письмах, Татьяна Павловна отнеслась к ним с должным пониманием. Как хирург, боящийся неловким движением поранить живую ткань, он осторожно раскрывал пожелтевшие треугольники писем. И вдруг из одного из них падает на стол выцветшая, нет, скорее поседевшая веточка полыни… Не веря глазам, он не решается прикоснуться к чуду, помнящему огонь и солнце сорок второго года! «14 сентября 1942 г. Оля, дорогая моя! Хотелось бы побольше написать тебе, но борьба далеко ещё не кончена, и я считаю преждевременным подводить какие бы то ни было итоги. Скажу только, что я сам едва ли верю в то, что моя рука пишет это письмо. Трудно, пожалуй, совершенно невозможно представить себе всей тяжести борьбы.

М. Н. Алексеев

Уже сотни раз смерть пыталась захватить меня в свои холодные объятья, но тщетно: я продолжаю жить и бороться».

— Да…— говорит он, снимая очки, — Я многое ей не дописал. Цензура всё равно не пропустила бы. И это письмо было бы уничтожено. Но я положил эту полынь, чтобы Оля почувствовала всю горечь моего положения.

«Я очень люблю жизнь и очень хочу жить, и всё-таки я отдам без страха эту жизнь, уже решил её отдать… Я хочу жить, именно потому я и отдам её».

Это строки из предыдущего письма (от 9/08-42) двадцатитрёхлетнего русского красноармейца, готового отдать жизнь ради Жизни.

Не эту ли веточку полыни пытался вспомнить тогда на мосту, у села Монастырского старый солдат? Бог весть.

Он не упомянул о ней и в своих комментариях к письмам (теперь уже не единожды переизданных), несмотря на мои просьбы. Что ж, как видно не всё на продажу: есть вещи, которые писатель оставляет навсегда в потаённых уголках своей души, куда остальным путь заказан. Ольга Кондрашенко не стала его женой. Война, как казалось молодому офицеру, ожесточила его сердце. Он не имел права на счастье в безумном, оглушённом войной мире. Что это? Жестокость опалённого войной сердца? Или, может, это инстинкт самосохранения большого Художника? Судить не мне.

У Вишнёвого омута шумели «прототипы»…. Так в шутку он называл своих земляков. Но какие там шутки, если в каждом из разгорячённых встречей людей, угадывались его персонажи?! То «небывало поворотливый и ловкий» Пётр Михайлович, то Настасья Хохлушка, то Вишенка, то «плутовато подмигивающий» Иван Мороз, то «ёрнически морщащийся» Митрий Резак…

А ведь это их дети, внуки, а то и правнуки. Неистребима кровушка саратовских мужиков!

Михаил Николаевич смотрит в чёрное, обрамлённое патиной зелени, зеркало Вишнёвого омута. Над ним, расколотая молнией, но всё ещё живая, забывшая о своём возрасте, плакучая ива. Она обильно окропляет его своими золотыми слезами… А, может, эти капли совсем не её?

Омут памяти. Омут вечности. Таинственный и бездонный.

Михаил Николаевич, как бы извиняясь, радуется жизни, в который раз удивляясь тому, что он всё ещё жив, как эта древняя ива, принявшая на себя все ветра и молнии столетия. Он, как и она, чувствует бунтующие соки земли.

Они так просто не сдадутся… А четыре его военных ранения (каждое из которых могло оказаться смертельным!), просто мелочи жизни, о которых не стоит и вспоминать…

Давно уже нет тех, что кто не раз ценою собственных жизней, спасали его, чтобы он сейчас мог вдохнуть этот, пахнущий свежим огурцом, воздух Вишнёвого омута, который вздрагивает серебряной зыбью от каждого порыва ветра…

Но не уходит из памяти сентябрь сорок второго года. Николай Сараев, неподвижно лежащий на искромсанной Сталинградской земле в разорванной гимнастёрке, бросивший связку гранат под гусеницы немецкой танкетки.

Он спас тогда не одну жизнь бойцов миномётной роты.

А после, в адском крошеве Курской дуги, полковник Денисов отправляет его (его – командира пулемётной роты гвардии старшего лейтенанта Алексеева !) в дивизионку «Советский богатырь»… («Видать, с ума сошёл: с чего ему вздумалось посылать меня в газету…» – запишет он в своём дневнике.) Но не будь этого самого полковника Денисова, разве стоял бы он сейчас у своего Вишнёвого омута? Разве появились бы на свет божий его «Солдаты» и «Драчуны», «Карюха» и «Хлеб – имя существительное», «Мой Сталинград» и «Оккупанты»… Его «Русское поле» с Нонной Мордюковой и «Журавушка» с Людмилой Чурсиной? Да разве всё перечислишь!

Он не боялся смерти. Он страшился того, что не окончит роман «Оккупанты» и тем подведёт редактора, что не сможет больше прийти на Вишнёвый омут, что не услышит больше подгулявших Монастырских соловьёв, не посидит на берегах (пусть даже без удочки!) невеликих, но таких дорогих речек Баланды и Медведицы.

– А чего страшиться смерти, – отшучивался он, – я же всё равно не буду знать, что я умер!

…Неподалеку от могилы Михаила Николаевича на Переделкинском кладбище стоит расколотая молнией ива. Неслышно течёт река Сетунь. Плачет ржавыми слезами небольшой родник. С грохотом, отчего вздрагивает земля, проносятся по дороге автомобили…

Но в недолгие минуты затишья, в предутреннем тумане заливисто и нестерпимо громко на всю Россию поют соловьи, взывая к её памяти.

Ведь она так неслышно похоронила своего великого Сына.

Константин СКВОРЦОВ, поэт,
лауреат Государственной премии

к 90-летию со дня рождения Александра Васильевича Стрыгина

Рядовой литературы

«Как солнце каждому предмету дает тень, так мудрость жизни каждому поступку людей готовит возмездие»

М. Горький

В эти дни мы вспоминаем светлый талант «кубанского тамбовчанина» А.В. Стрыгина, его уже нет в строю кубанских литераторов, остались недописанными его проза, стихи, публицистические миниатюры «Свето-Тени», эскизы его картин (у Александра Васильевича был и талант художника), но живы его книги, жива память о нем друзей-писателей и читателей.

А.В. Стрыгин родился 14 августа 1920 года на Тамбовщине, там прошла его юность, годы творческой работы. Александр Стрыгин окончил литературный институт в Москве, семинары в нем вел Лев Абрамович Кассиль, он же дал ему рекомендацию в Союз писателей. Впоследствии он возглавил тамбовскую писательскую организацию, там же издал свою первую книгу рассказов «В пути», затем сборник рассказов «Простые люди», повесть «Красный камень». Восемь лет Стрыгин стоял у руля Тамбовского союза писателей, на своей родной земле он закончил роман «Расплата».

Это правдивое описание установления советской власти на Тамбовской земле и пробуждения классового самосознания трудового крестьянства. Роман состоит из 2-х книг: «Пробуждение» и «Испытание». В этом романе достоверность и вымысел заключают союз на основе приверженности правде жизни, а сам «антоновский мятеж» обретает силу свободного вымысла. С романом «Расплата» в нашей литературе появился еще один писатель из глубинки, хорошо знающий родную землю.

А.В. Стрыгин входил в редколлегию журнала «Подъем», организовывая недели поэзии, на которые съезжались лучшие поэты России. По его роману «Расплата» был поставлен спектакль, еще одну его пьесу «Колосья в крови» также увидели театральные подмостки, о ней писали журналы «Театр» и «Театральная жизнь», местные и столичные газеты.

В 1970 году друзья писателя: коллеги, артисты, художники, журналисты г. Тамбова отмечали его 50-летие, и от имени Президиума Верховного Совета СССР ему был вручен орден «Знак Почета». Вскоре он переезжает жить на Кубань, и здесь в казачьем краю его дарование заиграло

А. В. Стрыгин с женой и дочерью

новыми гранями, а сам он оставался в гуще творческой жизни. А.В. Стрыгин проявил себя зрелым писателем, умело разбирающимся в сложных социальных и политических событиях. Здесь им написаны и изданы романы «Терны», «У порога», несколько документальных повестей, десятки очерков и стихов. С их страниц встают образы русских людей, написанных рукой мастера. А.В. Стрыгин пять лет являлся главным редактором литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Кубань» Краснодарской писательской организации, а в 1980-е годы – секретарем партийной организации Краснодарского союза писателей; всегда спокойный, доброжелательный, он оставался бескорыстным исполнителем своего дела, в эти же годы он становится лауреатом журналистской премии имени В. Ставского и начинает работу над второй книгой романа «У порога».

В 1980 году в альманахе «Кубань» опубликован его очерк «Краснодар шагает в будущее», который он начинает строками из романа Дмитрия Фурманова «Красный десант», в котором даны картины Краснодара после Гражданской войны, и вот он наш город, который видит автор в 1980-е годы; растут кварталы новостроек, появляются многоэтажные дома, целые жилые микрорайоны. Автор очерка видит долг каждого краснодарца вносить свой вклад в благоустройство родного города.

В 1982 году в этом же журнале его публицистическое эссе «Флагман рисосеяния» – к 50-летию ордена Трудового Красного Знамени рисоводческого племенного совхоза-завода «Красноармейский» и его руководителя Героя Социалистического труда А.И. Майстренко.

Такие публикации свидетельство того, что А. Стрыгин нашел на Кубани свою вторую родину. Есть люди, о которых говорят «он прожил жизнь начисто» – это о Стрыгине. Журналист Сергей Крупенин вспоминает об одном из праздников 9 Мая в краевой организации Союза журналистов, когда собравшиеся бывшие фронтовики в их числе и А.В. Стрыгин пели песню «Фронтовая память» на его стихи (музыка В. Захарченко)

«Фронтовая память побольнее ран,
Оттого задумчив старый ветеран,
Завещали братцы подвиг не забыть…
До Победы драться, до Победы жить!»

В год 90-летия А.В. Стрыгина мы чтим этого одаренного, глубоко поэтического писателя, который породнился с нашим краем, и отдаем ему нашу благодарную память.

Галина Рослаева

ЭТИ ЛИСТКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Александр Стрыгин

ВСТРЕЧИ С ПЕРВЕНЦЕВЫМ

В 1972 году я был приглашен на Кубань в качестве заместителя редактора альманаха. Менялся весь штат, новым редактором был назначен Анатолий Знаменский. Мне предстояло из вороха рукописей отобрать произведения, удовлетворяющие вкусы нового редактора, а Знаменский, как известно, был требовательным мастером.

К тому времени Аркадий Первенцев заканчивал работу над новым романом «Черная буря» – о кубанских событиях, – и Знаменский ухватился за идею первой публикации этого романа в нашем альманахе. Конечно же, в сокращении, ибо весь роман наш тощий альманах потянуть был не в силах.

Когда Первенцев прислал нам весьма пухлую рукопись для ознакомления, восторга редактор не испытал, и сразу же предложил мне засесть за сокращение. «Ты пишешь плотно, не любишь наполнителей, – сказал он,– тебе все карты в руки испытать редакторское умение». Я не был знаком с Аркадием Первенцевым лично, не знал его характера. Пугали его лауреатство, его слава. Мое вторжение в рукопись могло не только не понравиться ему, но и вызвать протест, что зачеркнуло бы мою работу. Предстояло сжимать рукопись, как меха гармошки, растянутой увлекшимся игроком, но при этом сохранить сюжетную канву, по возможности и фабульные находки. А главное – не повредить чёткости образов действующих лиц в трудной борьбе с чёрной бурей и её последствиями. Пришлось напрячься и попотеть.

Сдавал рукопись на машинку, испытывая немалый страх, но каково же было мое удивление, когда отправленная на визу сокращенная рукопись вернулась от Первенцева с согласием на такой вариант. Знаменскому по телефону он даже сказал, что сокращение сделано добросовестно и хорошо. А рукопись была сокращена более чем вдвое!..

Потом я и лично познакомился с автором знаменитого «Кочубея». Каждый свой приезд в Краснодар он приглашал меня к себе в номер вместе с другими писателями, близкими ему по духу.

А однажды мы с Вараввой из переделкинского Дома творчества поехали во Внуково – на дачу Аркадия Алексеевича. Принял он нас весьма радушно, показал достопримечательности внуковских дач, среди которых были и дачи членов правительства. В комнатах его дачи мы увидели много фронтовых реликвий, антикварные издания на полках его библиотеки. И, конечно же, угостил нас «чем Бог послал», а потом на своем автомобиле проводил до Москвы. И тут, пожалуй, не грех вспомнить дорожный рассказ Первенцева об одной оказии на внуковской трассе, по которой часто ездил Сталин. Случай этот Первенцеву рассказал бывший шофёр Сталина, с которым когда-то удалось побеседовать Первенцеву...

Обочь трассы тогда стояла огромная каменная скульптура вождя. Проезжая в

очередной, может быть сотый раз, мимо своего каменного изображения, Сталин вдруг громко и возмущенно произнес: «Как же мне надоел этот каменный человек!..». Через несколько дней скульптуры у дороги уже не было.

«Видите, хлопцы, какой он разный был, Сталин-то», – заключил свой пересказ Аркадий Алексеевич и задумчиво отвернул взгляд на мелькавшие за ветровым стеклом белокаменные дома Москвы.

БАБАЕВСКИЙ В КУРГАНИНСКЕ

В начале 80-х годов альманах «Кубань», главным редактором которого я был к тому времени уже несколько лет, взял курс восстановить связи с писателями-земляками, когда-то уехавшими в Москву. Этот курс поддержал и ответсекретарь писательской организации Сергей Хохлов.

Первой публикацией земляка-кубанца была повесть Вергасова, уроженца станицы Челбасской. Потом напечатали подборку юморесок Леонида Ленча, который когда-то жил на Кубани.

Вспомнили Бабаевского, прославившего кубанских казаков. И даже решили пригласить его посетить Кубань. Тем более, что он немало помогал пробиваться в печать молодым литераторам-кубанцам.

С Семеном Петровичем лично я познакомился на съезде писателей России, был наслышан о его колком и даже упрямом характере, так что встреча его и опека в поездках по Кубани предвещала нелегкие дни для нас.

Нам было известно, что Бабаевский наотрез отказался от замены знака лауреата Сталинской премии на знак Государственной премии.

… Но вот улыбающийся Бабаевский обнимает встречающих, он рад, что Кубань помнит и чтит его. Недолго пробыв в Краснодаре, Семен Петрович заспешил в Курганинск, с которым у него связано начало его творческой жизни – там он работал секретарем райгазеты в тридцатых годах.

Секретарь Курганинского райкома Зоя Ивановна Боровикова устроила ему пышную встречу в редакции. Бабаевский был растроган до слёз, услышав от журналистов газеты, как станичники любят его книги, помнят его самого ещё живые старики, о которых он писал когда-то в газете. Мы с Сергеем Хохловым, сопровождавшие Бабаевского в поездке, были очень рады, что кубанцы отогрели своим отношением сердце старого писателя, обиженного новой прессой, называющей его лакировщиком.

Зоя Ивановна познакомила писателя с жизнью района, повозила по хозяйствам, где станичники душевно беседовали с гостем. И, конечно же, не обошлось без вопроса о «лакировщике»... Со злой веселинкой Бабаевский ответил, что эту кличку ему приписали те, кто ненавидит советскую власть, давшую людям достойную жизнь. «Я ещё недолакировал нашу действительность!» – убежденно заключил он.

Зорко, цепко приглядывался он к Зое Ивановне, к её разговорам с людьми, особенно с руководителями хозяйств. Тогда весьма редко можно было встретить женщин на постах первых секретарей.

Заинтересовавшись её судьбой, он стал расспрашивать о личной жизни, об её отношении к литературе и искусству.

– Личная жизнь? – переспросила Зоя Ивановна. – Какая у меня личная жизнь, если домой возвращаюсь ночью и скорее в постель, вздремнуть немножко. Когда-то баяном по вечерам увлекалась. Муж умер, сын-офицер в Армавире, одна я вдовью участь нянчу. Зато какой мы хор создали в Петропавловской! Да и все станицы наши певческие, веселые. Завтра повезем вас слушать хор, а сегодня вы будете моими гостями, покажу вам свою хату, где меня уже и перестал ждать мой баян. Вдруг еще тряхну стариной да и сыграю вам что-то.

Семен Петрович еще пристальнее посмотрел на собеседницу и весело сказал:

– Ну-ну, поехали в вашу хату, то бишь в квартиру.

– Без всякого то бишь...именно в хату.

– Не удосужилась даже квартиры, бедная? – недоуменно оглянулся Бабаевский.

– Зарок дала. Чтобы злые языки не тренировались на мне, решила жить в хате.

На окраине Курганинска мы подъехали к небольшому домику с потрескавшейся краской на стенах. В комнатах чисто, уютно (ей помогает соседка).

– Вот тут и коротаю остатки суток. А вот и мой друг баян. – Она долго стирала с него пыль, потом села на диван рядом с нами и задористо-весело спросила: «Ну что сыграть? Про вдовью участь?».

Комнату наполнили звуки, которые действительно шли от страдающей души.

Бабаевский, отвернувшись, тихо смахнул стариковскую слезу.

... Вернувшись в Москву, Семён Петрович не забыл своего обещания помогать писателям-землякам. По его настоянию «Роман-газета» напечатала повесть Ивана Бойко «Успеть до заката» в варианте, подготовленном нашим альманахом.

ПРОЗА

ЖОРА – «СЛАВА КУБАНИ»

рассказ

С детства Жора Гузий любил лошадей, убегал из школы на «зелёный остров», чтобы покататься. Заведовал казачьей конюшней Анатолий Бряченко, давний колхозный молоковоз и тоже любитель лошадей. Рано утром он ехал по фермам, собирал надой в цистерну «зила», отвозил на завод. И к обеду был свободен, чтобы возиться с лошадьми. Мальчишкам нравился его бравый вид, разлапистые усы и приятный молочно-розовый цвет лица. Приспособились они и к суровому характеру молоковоза. Если что не по нём, то может и за ухо потрепать, и лишить права почистить лошадь скребком. Его устрашения на самом деле были отеческими, для пользы развития и в доброжелательной форме. Собственные его дети выросли, один был офицер под Санкт-Петербургом, другой – предприниматель в Германии. Отрезанные почти напрочь ломти, потому что лишь раз в год появлялись на отцовском подворье, во время отпусков, а то и реже. Анатолий помнил о них, ждал. И отводил душу среди чужих хулиганистых подростков, чтоб не привыкли к анаше или марихуане. Кто ж им подскажет вовремя про жизнеопасную беду?

Пообедав дома, Анатолий отдыхал, бездумно глядя в телевизор, или перелистывал журнал «Коневодство», подрёмывал, потому что рано вставал. А потом ехал на своей «ноль-восьмой» на остров. Районное начальство выделило возрождающемуся казачеству бывшую базу заготконторы. Одно из помещений любители конного спорта приспособили под конюшню, по очереди ухаживали за двумя десятками скакунов, в основном, частных. Выгуливали, приучали к упряжи и «под верх». Коню всегда нужны пробежки для поддержания спортивной формы, а лучше легковесных подростков наездников не найдёшь. Хоть «охлюпки», то есть без седла, набивали кобчик, но радостно было проскакать, не сорваться, управиться с огромным конём с помощью уздечки. А сколько волнения! И соревновательности. Когда бегут две лошади с наездниками на спине, то и они поддаются азарту, норовят укусить соседку, дёрнуть зубами за гриву, изо всех сил стремятся победить, обогнать!

Анатолий покрикивал то одному, то другому, успевая всех мальчишек держать в поле зрения:

– Повод потяни!…Не косись влево, ровно сиди!… А ты локтями не маши, как подбитая сорока!… Следи, чтоб конь не засёкся, дай разгон!…На гравий не выскакивай, а то коню копыта собьешь!

Жора Гузий был молодцеватее всех. Сидел как-то развязно, будто неумело, а на самом деле не только прислушивался к наставнику, но и следил, чтоб его не обошли, чтобы всегда быть первым! Школьные дела его не интересовали, он уже почти взрослый. Отца у него не было, а мать махнула рукой на его учебу. Раз не хочет – не надо и заставлять. Лишь бы человек был хороший, не обязательно всем грамотными быть, кому-то и руками надо работать.

За три года обучения верховой езде на «зеленом острове» Жору приняли в «казаки», записали в казачью воинскую часть. И характер у него уже выработался. Главное – не врать, лучше правда, хоть и горькая. Всё равно дядя Толя дознается – хуже будет. И товарищей своих не обижать, хоть ты и сильнее. Ты ему поможешь – и он тебя выручит. «Земля-то круглая», – была главная поговорка дяди Толи.

Казачья часть под Новороссийском недавно сформировалась. Идея была такая, что служить рядом должны земляки, чтобы этим искоренить дедовщину. Одностаничники не станут издеваться над новобранцем, иначе сами поплатятся, не всегда их верх будет, земля-то круглая!

И вот Жора во солдатах. Привёз их «прапор» на микроавтобусе прямо в воинскую часть с зелёными железными воротами из двух половинок, на каждой – красная звезда, и бойцы охраны дежурят, волосы годичной давности торчат из-под пилоток. «Прапор» сдал всех восьмерых лейтенанту-ротному. Их переписали в журнал поверки, показали каждому двухъярусную койку, да ещё и спросили, как с мочевым пузырем? Нет слабины? Жора фыркнул и засмеялся. Ещё чего! Место ему досталось нижнее, уступил земляк, потому что вверху спят более слабенькие.

Жора не боялся, что пошлют в «горячую точку», наоборот, интересно. А служба давалась легко. Он и дома кашу любил, и ко всему привычный. За три недели поправился на два кэгэ. О чём и написал матери, чтобы не волновалась. И с ребятами ладил. В казарме был всего взвод, то есть три десятка. Среди своих восьмерых «земель» Жора был вожак, как самый сильный и выносливый. И наказал всегда идти на помощь, если кто станет угрожать. Один «старик» с двумя «шестёрками» сказал, что здесь он главный, кто не подчинится – амба будет.

Жора спросил:

– Как это?

– Что я скажу, то и делай, салабон.

–И что, например?

–А вот что: лезь под мою кровать и кукарекни.

–Так я запросто: по-кошачьи, по-собачьи? – Жора закатился под сетку лежбища и три раза кукарекнул. А «старик» стал прыгать сверху, чтобы зашибить новичка своим весом. Жора выкатился, оседлал «дембеля» и сдавил коленями ему шею, пока тот не захрипел. Тот не ожидал такого отпора. Покраснел как рак, фыркал от злости и матерщинничал.

Ночью, после отбоя, пришлось неплохо подраться со сторонниками «старика»: восемь против шестерых. Конечно, Жора предупредил своих, чтоб были наготове, и распределил, кому кого бить. Он знал, что нападут: без сражения не обойтись. И напали. Жора был прыгучий, как Ванька-Встанька, опять оседлал главаря и сдавил шею, говоря:

–Последнее предупреждение. Если хоть кого из моих пальцем тронешь – задушу, Слава Кубани!

«Старик» понял. На силу нашлась другая сила.

И в дальнейшем служба проходила мирно. Дисциплина была не ахти какая. Старлей и «кусок» – сверхсрочник лишь требовали, чтоб отбой и подъём проходили с перекличками, вдруг какой воин сбежит. Они, наверно, сами не знали, для чего предназначен их взвод. То ждали секретного приказа выступать, то ходили слухи, что переведут в железнодорожные войска или в охрану военных объектов. А в течение дня солдаты слонялись туда-сюда, скучали, сплетничали, искали, чего б пожрать сверх довольствия.

Некоторые, по складу ума «философы», любую минуту, когда удавалось, старались поспать, чтобы во сне приблизить «дембель». Эти ленивцы предпочитали сон даже еде. Они имели аллергию на военный образ жизни, ныли: «Господи, господи, хоть бы скорей на гражданку!»

А другие, чтоб убить время, «рисовали» письма на «волю». Причем, по заготовленному шаблону, лишь подставляли имена в одно и то же сердцещипательное письмо, сочинённое толстым писарем-калмыком, из районных газетчиков, в очках. Заказчик платил писарю утренней порцией сливочного масла, а тот сам доводил дело до конверта и отправки через батальонного почтальона, приезжавшего на попутках с сумкой посылок, газет и писем.

Почтальон, согнутый в вопросительный знак и анемичный солдат, но очень высокий, был важной фигурой, выкрикивал фамилию за фамилией и заставлял поплясать или попрыгать за желанный конверт. Все тридцать каким-то чутьём определяли появление почтаря и сбивались вокруг в жажде новостей. А Жорин земляк Женя Бастурчак подыгрывал на гитаре, которую всегда носил с собой на ремне за спиной. Он знал кучу песенок и припевок, солёных анекдотов, и сам кое-что сочинял. Глядя на его крупный пот на лбу от старательной игры, любому было понятно, что никогда ему не осилить гитару. Но, как ни странно, под его 5-6 аккордов можно было спеть любую песню!

После выполненного «фанта» счастливец распечатывал конверт, проверял, нет ли ещё в нём чего, обнюхивал и читал листок вслух для всей толпы. Хоть от родителей, хоть от друзей. Но особенно нравились всем от невест, причём, каждый комментировал по-своему, стараясь проникнуть в искренность или ложь ненадёжного «слабого пола», всегда готового наставить рога. Если была фотка, то и её пускали по кругу, причмокивая от удовольствия. Комментарии были сногсшибательные. Особенно если невеста была хороша ниже пояса. Воины дружно ржали, но иногда кто-то и вспыхивал, шла мгновенная потасовка, тотчас усмиряемая со всех сторон.

Жора тоже перед почтарём и всем сборищем двадцать раз присел на каждой ноге поочерёдно, выставляя другую, как пистолет. Получил и прочитал письмо от дяди Толи-атамана. Вышло нравоучительно. «Земля-то круглая, Жорик… Кобыла Журавка теперь с жеребёнком. Он со звёздочкой и в белых чулочках. Травы много, он её настрижётся и плямкает мамкины чёрные титьки. В общем, ждём тебя. Когда ты вернёшься, будем её обучать. Служи Родине, как полагается казаку. Слава Кубани!». Это присловье – «Слава Кубани» – стало обязательным среди казаков, где бы ни встретились. А в других местах уже выкрикивают: «Слава России!»

Поскольку часть-то называлась казачьей, Жора решил приветствовать так всех подряд и смотреть, как среагируют. А вскоре и самого Жору стали звать: «Слава Кубани!»

Главной пружиной взвода был старшина-сверхсрочник. Он проводил подъёмы и отбои, построения с докладом старлею о готовности войска, раздавал наряды, придирался к заправке постелей и шмонал прикроватные тумбочки, нет ли «криминала». Был он лет сорока, низкий, натоптанный, как «крапивенный чувал». Когда шёл, то зад оттопыривался, а сбор гимнастерки образовывал там смешной хвостик. И руки были ниже колен. В голос подпускал хрипа (под Высоцкого) и кричал перед строем:

–Воины! Теперь вам не надо думать. За вас я думаю…Рразойдись!…Стрройся! Чтоб за минуту построились. Засекаю: рразойдись!…Стрройся! А теперь бего-ом, марш!

И так по полдня.

Жора терпел такой прикол. Значит, так надо. Он легко обгонял всю команду, бежал задом впереди всех и дразнился, чтоб старшине было не слышно:

–Ать-два, ать-два! Воины! Не надо думать! Надо прыгать! Слава Кубани!

Дядя Толя рассказал анекдот ещё на гражданке. Примерно такой: «Учёные закрыли в клетку обезьяну, дали пустые ящики, высоко подвесили банан. Чтобы она догадалась составить из ящиков пирамиду, взобраться и снять лакомство. Обезьяна всё проделала чётко и съела банан. Тогда в клетку посадили алкоголика, но вместо банана подвесили бутылку водки. Он стал прыгать. Ему подсказали: « Вы думайте!» Он сердился и огрызался: «Чего тут думать? Прыгать надо!» И прыгал до вечера, не догадавшись составить ящики».

Дядя Толя на первое место ставил «думать», а сержант – «прыгать»! И это было Жоре смешно. Его любимый анекдот все уже знали и перемигивались между собой:

–Чего тут думать? Бегать надо!

Сержант велел ему остаться после приказа «Разойдись!» Подозвал и спросил:

–Говорят, ты мастер на анекдоты? Меня, гнида, высмеиваешь? Я двадцать лет при этих погонах, видал всяких. Для начала вечером тебе наряд: вымыть туалет. Понял?

–Так точно! Слава Кубани!– козырнул Жора, лихорадочно обдумывая, кто «настучал» сержанту? Ясно. Из своры «старика». По своей крестьянской психологии он не увидел ничего зазорного в наряде. Мать приучила полы в доме мыть. Из-под коней всегда чистил. «Где воняет, там и пахнет», – поговорка дяди Толи всплыла. И к ругательствам привык. Взрослые всегда обзываются, для облегчения. От слов – не больно, если в голову не брать. Хотя, конечно, не ожидал, что воспитанный сержант опустится до брани.

После ужина, в час «личного времени», Жора взял тряпку, нашёл ведро и швабру, пошёл в нужник при казарме и стал его драить. Сержант тоже пришёл и молча смотрел. Не ожидал, что вожак унизится до параши, раньше такого не бывало. Жора мыл умело, по-деловому. Как бы даже любовно, со степенной неторопливостью. Не придерёшься. Сержант подумал, что его время ещё не настало, поймает этого умника на чём-либо другом. Что-то черкнул в блокноте и буркнул: «Свободен».

Утром сержант раскидал постели у пятерых и у Жоры, приговаривая:

–Я научу вас, охломоны, стрелку наводить! Об край одеяла чтоб можно порезаться! Конверт не скособочивать! Ямок не допускать! А подушка нужна не для затыкания дырок! Все уголочки чтобы торчали, как у козы сосочки!

Издевательски оседлав табуретку, он придумывал, к чему придраться, заставлял выбивать матрацы на улице, вновь и вновь переворачивал заправку, хрипло крича:

–Рразговорчики! Сегодня ты, охломон, постель не заправил, а завтра автомат не почистишь.

У троих он зачёл заправку постелей, а Жоре и Жене Бастурчаку дал ещё наряд:

– До обеда выкопать яму два-на-два-на-два! Чтобы служба мёдом не казалась!

Жора прикинул, что наряд несложный. Он раньше в станице соседке Марии Платоновне колодезь выкопал и журавль установил вдвоём со знакомым казаком. А то у неё водопровода не было. Подумаешь – землю кидать! Даже интересно в яме-то, прохладно.

После завтрака, куда ходили строем, началась разнарядка. Кому идти в кочегарку развинчивать насосы, красить трубы. Кто пошёл в лес за сушняком. Кто-то был послан на кухню. Трое двинулись с мётлами прочистить дорожки возле домика лейтенанта, где была и канцелярия. Некоторые «работали» на турнике, чтобы довести подтягивания до восьми. Всем сержант нашёл «дело», лишь бы не болтались по территории. Накануне лейтенант ему выговорил, что надо подтянуть дисциплинку, ожидается комиссия, бойцы должны жить строго по распорядку, каждую минуту отдавая на пользу государству.

Жора с Женей стояли возле волейбольного столба, ожидая, когда сержант обратит и на них внимание.

– Охломоны! Идите за мной! – обратился он к штрафникам. И пошёл по лужайке к казарме. Здесь было накопано много земли от предыдущих наказаний. Жора не знал, что яма-то никому не нужна. Их рыли поколения новобранцев, чтобы смирить буйный нрав, и тотчас закапывали. Научиться делать бессмысленное! И без пререканий! Согласно уставу! Иногда всем строем на простыне приносили к готовой яме найденный в помещении преступный окурок. И хоронили на двухметровой глубине, чтоб неповадно было курить в неположенном месте. Причём, согласно кладбищенскому ритуалу, произносили надгробные речи, прощались с «покойником», торжественно сбрасывали его с простыни. Изощрялись в этом солдафонском юморе, кто как мог.

Жора понял, что сержант хочет видеть их в глубокой яме, потных, с размазанной по лицу землёй. Несчастных, жалких, готовых ползти на коленях за сержантом и выполнять любую его команду, лишь бы освободил от непосильного труда. «Не дождёшься!» – сказал он про себя сержанту и ждал конкретного приказания.

– Копать вот тут. Берите лопаты, охломоны, и действуйте. Родина вас не забудет.

ПРОЗА

Тренируйте мускульный аппарат, – и отошёл. Ему вдогонку Жора крикнул:

–А лопаты-то где? Слава Кубани!

–На трапу! – ответил загадкой «старпёр» и удалился, напоминая петуха своим хвостиком гимнастёрки.

–Как это: «На трапу?» – озадаченно вопросил Жора у напарника.

–Да пошёл он, знаешь, куда? – ответил со злостью Бастурчак и сел на корточки. Жора знал, что на нём «где сядешь– там и слезешь». Так говаривал про него дядя Толя, отмечая упрямство. Жора тоже решил не гоняться за сержантом и сел на землю, подстелив принесённый ветерком целлофановый пакет.

Сидят, обдумывая ситуацию. Жора припомнил, как бабушка ему говорила: «Потрафляй, потрапляй, где лежит, всегда знай». Тропа! То есть найди на дороге! Где хочешь, там и возьми! Пока размышлял, Жора услышал от земляка:

–Я так думаю, если заставляет копать эту хренотень, так пусть обеспечит инструментом! Давай сидеть, а припрётся – сделаем вид, что копаем…пальцами.

–Договорились! – согласился Жора, оба стукнулись кулаками и сказали друг другу: «Слава Кубани!»

И стали мирно скучать. Жора иногда поглядывал исподлобья вокруг, стараясь отгадать, откуда появится «петух пернатый»? И скрёб землю ногтями, вырвав с корнем травку, чтобы оправдаться: «Работал!»

Через час старшина подошёл с недоумением на лице:

–Чего это вы сачкуете?

Оба солдата браво вскочили.

–Копаем, товарищ старшина. Но без инструмента, сами понимаете…

–Я ж сказал: «Найди, где найдёшь». Укради! Лезь через забор, там дачи. И лопата найдётся. Тащи её сюда! – приказал старшина, обращаясь к Жоре.

–Никак нет! Воровать не положено!

–А вы знаете, что бывает за невыполнение приказа? Уголовная ответственность! Штрафбат! Ну-ка лезьте, мать вашу, через забор, охламоны! – сердился и багровел старшина, сам себя загоняя в тупик. Он понимал, что потеряет авторитет, если ему не подчинятся. А если принесут чужую лопату, да придёт с жалобой хозяин?…

–Никак нет! Воровать не положено! – козырял Жора, стараясь казаться тупым.

–Я ска-за-ал! Бегом – марш! Не таких обламывал! – сорвался на крик старшина.

–Никак нет! Воровать не положено! У мирного населения.

–Да ты понимаешь? Да ты! За неподчинение командованию – пять суток на «губе»! А я подготовлю рапорт в военную прокуратуру. Понял, охламон?

–Так точно, понял. Слава Кубани!

–Двигайте, воины. Я уже записал вас в «чёрную книгу». Вы у меня попляшете…Я тебе покажу «Славу Кубани»!

–Куда двигать, товарищ старшина?

–Пока в казарму.

Земляки, недоумённо переглянувшись, пошли, оставив старшину размышлять над возникшей проблемой. Лопаты исчезали, как по заказу. То ломались держаки, то железо трескалось. А с десяток лопат сам старшина продал знакомому прорабу за четыре поллитры. Эх, теперь бы пригодились!

Отступать он не собирался перед шибанутыми. Надо им показать кузькину мать! По телефону он вызвал «каталажку», настрочил лейтенанту рапорт о злостном неподчинении двух субчиков и отправил их на гауптвахту, расположенную в городе.

…Обыкновенная комната с пустыми деревянными лежаками. С исписанными, изрезанными стенами. С окошечком в два стеклоблока под потолком. И в двери «глазок», а пониже полочка с дверкой для подачи миски с баландой. Жора улёгся на спину, закинув руки за голову, и сказал своему товарищу:

–Кто не был – побудет, кто был – не забудет.

Женя поддакнул:

–Кто параши не нюхал – тот не свой.

В армейской жизни соседствуют рядом формальная субординация и личные отношения, переходящие друг в друга. Дежурный конвоир – такой же подневольный парень, не питал неприязни к наказанным, наоборот, сочувствовал им, поскольку ощущал, что такие держат на своих плечах всю иерархию верхних чинов, из которой любой мог их наказать, причём, несправедливо. Звали его Валера, сам из Ростовской области – значит, земеля! Это ж почти брат! После «братания», постукивания кулаками и возгласа: «Слава Кубани!» он, как мог, облегчал жизнь затворникам: приносил курево, а то и пиво, добывал двойные порции у поваров. Зайдя в арестантскую, лежал тоже рядом, калякал, вспоминал свою станицу. Его товарищи не убегут! Им тут лучше, чем в строю или на воле. Завидовал, что сам не служит по казачьему списку. А Жора хвалил ему дядю Толю, звал в гости, как отслужат.

–Старпёру всё равно не поддамся. Попадётся он мне на гражданке! Земля-то круглая! – возбуждённо говорил Жора…

За неделю «зэки» отъелись, отдохнули, насмотрелись телевизора через своё окошечко (это Валера принёс из своей каптерки и установил на табуретке в коридоре).

И «каталажка» отвезла их обратно, поскольку нельзя ни часа держать под замком тех, кто отбыл свой срок. И вновь предстали пред очи старшины.

–Что, воины, ума набрались?– вопросил он, недовольно осматривая сытые лица. Оба молчали, игнорируя неконкретный вопрос.

–Отправляйтесь во взвод, на строевую подготовку.

–Есть! – козырнули оба, наивно решив, что старшина насытился местью и теперь отстанет.

Старшина, глядя, как браво выглядят оба его подопечных, даже оскорбился, что «губа» не помогла. Надо придумывать что-нибудь новое. Или повторить рытьё ямы. Однако Жора сообразил, что его ждет наутро, и послал Бастурчака постоять «на пахы», а сам влез через окошко в каптёрку и утащил оттуда все четыре лопаты. Отнёс их в дальний угол двора, сложил под забором в канаву и присыпал листвой.

Утром опять проверка постелей. И опять Жора с Евгением оказались виноватыми, что одеяльный конверт «не соответствует». Без лишних нравоучений старшина отвёл их к исходному месту для копки ямы:

–Я сказа-а-ал! Два-на-два-на-два – к обеду. Иначе плохо вам сделаю, воины!

И развернулся уходить, по-петушиному вскидывая потешный зад. Меж двигающимися лопатками угадывалась мстительная решимость добиться своего.

–А лопаты где? – вопросил Жора. Старшину прорвало:

–Я ж сказал: «На трапу!» Мать вашу, – и крикнул пробегающему солдату:

–Гонченко! Принеси две лопаты этим недоделкам, из каптёрки.

Довольный заданием, Гонченко помчался вихрем, чтоб скорее загрузить «сачков», пусть мучаются, грызя землю.

Жора и Женя вновь сели на травку, довольные отсрочкой. Между тем старшина устроил переполох. Пропали лопаты! Искать всем! Пока вертелась карусель поиска, полдня и прошло. А оба штрафника валялись это время на травке. Когда же взвод двинулся в столовую, оба пристроились и сразу подобрали ногу. Старшина заметил их, когда допивали компот. Хотя и не имел права лишать штрафников питания, он подошёл и скомандовал:

–Вста-ать! Марш из столовой! Марш копать яму!

–Есть копать яму…пальцем! Слава Кубани! – козырнул Жора.

Старшина рассвирепел:

–Я вас в штрафбат! Рельсы будете таскать!

–Так точно! Рады стараться! Слава Кубани! – опять отдал честь непокорный упрямец.

Лопаты, увы, не нашлись. Старшина долго сочинял докладную в каптёрке и понёс лейтенанту. Тот не увидел особого криминала в поведении солдат, но разрешил опять отправить их на «губу». Старшина вызвал «автозак», объявил пять суток ареста за невыполнение наряда. Жора уже не боялся «капэзэ», как и его напарник.

…Восемь раз арестовывал старшина обоих ребят. Они отсиживали. Довольные, возвращались. Яму так и не выкопали, каждый раз находя причину.

В конце концов, старшина так расстроился, что запил. Потом заболел. И уволился, на гражданке поступил в таможенную охрану. Там спокойнее. Не надо нервы тратить на охломонов.

А Жору повысили до сержанта. И он, в общем, заменил старшину. Лопаты, и вся хозяйственная часть у него в порядке. Но дурацкие ямы при нём никто не роет. Зачем бессмысленно тратить солдатские силы?

Виталий КИРИЧЕНКО,
член Союза российских писателей,
станица Брюховецкая

ДЕБЮТ

Ю. Голубев

ПОЛОВИНКИНЫ ИСТОРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 10 лет я сопровождал отца на охоту. Я вырабатывал выносливость, изучал природу, учился спать где придется. Иногда отец разрешал мне стрельнуть из настоящего ружья. Когда я закончил седьмой класс, в 14 лет я получил в подарок: маленькое ружьё 24 калибра, и стал настоящим охотником. У нас с отцом были велосипеды, а позднее — мотоцикл, и мы на этом транспорте, а чаще — пешком и с собакой колесили по району в поисках дичи.

Нашим спутником очень часто был приятель отца — шахтёр Половинко, которого отец называл Митя или Половинка. Это был хороший, весёлый, неунывающий человек. Охота была для него прекрасным отдыхом после работы в забое, глубоко под землей.

У Половинки была удивительная особенность: он часто попадал в комические ситуации, из которых всегда выходил, весело посмеиваясь над собой. А ещё любимая присказка: «Вот и вот…». Он был очень добрым и никогда ни на кого не обижался. Я постарался вспомнить некоторые из его охотничьих приключений и записать их для вас.

ВЫБИВАЛКА

Иногда отстрелянные гильзы плохо выходят из магазина (тыльной части стволов), и тогда приходится с другого конца открытого ружья опускать в вертикально торчащие стволы металлический цилиндрик сантиметров десять длиной. Он выбивает застрявшую гильзу.

Половинка сидел на корме «каюка» — выдолбленной из цельного дерева лодки, которая при неумелом обращении могла опрокинуться от одного чиха.

Половинка встречал утренний перелёт. У него было хорошее настроение, он напевал: «Вот и вот, перелётные птицы!...»

Косяк чирков неожиданно спикировал на него, раздался оглушительный дуплет.

Утки «пронеслись помирать», как говорил мой отец. Половинка выбил гильзы выбивалкой, держа ружьё на коленях. Загнал новые два патрона. Вытряхнуть из ствола выбивалку он забыл.

Спикировал новый косяк. Половинка выстрелил. Пороховой заряд, который выталкивает обычно дробь во время выстрела, должен был выбросить ещё целый снаряд – выбивалку.

Отдача в плечо была такой, что Половинка рухнул с «каюка» в воду, подняв столб брызг и тины. «Каюк» опрокинулся. Половинка, вынырнув, ухватился за него.

…Вот и вот! Они — в дальние страны,
А я не хочу улетать.
А я остаюся с тобою…
Потом он долго нырял, отыскивая в иле ружьё.

БОЛВАНЫ

Стоять на вечернем перелёте — это значит: после захода солнца замаскироваться у самой кромки озера или в лодке, заведённой в камыши, раствориться в сумерках, превратиться вместе с ружьём в столб тумана, не шевелиться, несмотря на бешеные атаки комаров, и ждать. Ждать, когда утки начнут перелетать с озера на озеро (это у них вечерняя прогулка), и дождаться, когда они с шумом пронесутся над тобой или со свистом начнут падать на открытый плёс — чистое место в воде, метрах в 10-20 от тебя. И — ба-бах, бах, бах!

Мы с Половинкой подошли к озеру до захода солнца. Ему предстояла ответственная работа, которую надо было выполнить засветло.

У Половинки на охоте всегда были неотложные дела. Я к этому привык и пошел искать себе место, где удобнее стать на перелёт.

Половинка облюбовал маленький заливчик с совершенно лысым берегом. Он разложил на траве свою амуницию, разулся, закатал выше колен брюки и полез в воду, неся под мышкой сетку с какими-то предметами.

Содержимое сетки он высыпал в воду, но оно, это содержимое, не утонуло, а стало плавать вокруг ног Половинки на мелкой ряби.

Я из любопытства навёл бинокль на Половинку и тут понял, что наш друг решил охотиться по-научному. Эти штуки, плавающие вокруг него, — деревянные макеты уток, называемые в народе «болванами». К каждому прикреплён шнур. Концы всех шнуров Половинка собрал в пучок и, шагая, как Гулливер, уводящий флот тупоконечников, побрёл к берегу.

Выйдя на берег, Половинка собрал окончательно и привязал концы шнуров к одинокому кустику, а «уток» оставил в нескольких метрах от кромки берега.

Солнце уже садилось, и Половинка влез в какой-то мешок с прорезями для глаз, рта и ружья. Это изобретение подсказал ему знакомый чукча. Мешок был чем-то пропитан, так что ветерок даже до меня доносил лёгкое зловоние.

«Это от комаров, — подумал я. — Хоть бы уток не распугал».

Когда стало темнеть, Половинка закрякал в манок, подражая крику селезня. Он, наверное, выставил манок в прорезь для рта. Крякал он старательно и долго, потом затих. Через некоторое время до меня стал доноситься богатырский храп.

Внезапно прилетела стайка чирков. Они упали рядом с Половинкиным «выводком». Сначала была тишина, нарушаемая только всплескиванием уток. Потом раздался громовой дуплет. Утки взлетели. Покатился какой-то колобок и тяжело плюхнулся в воду. Раздались злобные выкрики.

Утром Половинка рассказывал: «Кажись, я задремал. Вот и вот. Встряхнулся, а «болванов», не пять, а восемь. Я и нажал на два крючка. Вот и вот. Утки улетели, а мне оставили вот и вот». Он показал мне горсть деревяшек от «болванов».

В животе у Половинки жалобно закрякал манок.

БИРЮК, Л.Д. Бретер и дуэлянт: роман / Людмила Бирюк. — Вече, 2010. — 384 с. — (Русский авантюрный роман)

О князе Репнине, герое повестей и романов Людмилы Бирюк, теперь узнает вся Россия. Роман кубанской писательницы издан ведущим московским издательством «Вече».

Бретер и дуэлянт

(отрывок из романа)

Ударившие в ноябре морозы причиняли немало трудностей русской армии, но еще больше доставалось неприятелю. Непривыкшие к холодам французы, итальянцы, пруссаки часто гибли на дорогах. Холод и голод косили их тысячами. Возле потухших костров часто можно было увидеть трупы, застывшие в позе безмятежно спящих людей.

Тот, кто сумел избежать смерти от холода, нередко погибал в огне. Пламя пожаров озаряло путь отступления французской армии. Голодные, замёрзшие наполеоновские солдаты, уже не помышляли о военных победах и с отчаянной злобой мстили народу, гнавшему их из своей страны. В свою очередь крестьяне, перед глазами которых постоянно вставали картины сожжённых дотла родных деревень, беспощадно избивали французов.

При отступлении из Толочина в избе сгорели пятьдесят вражеских солдат, набившихся в неё, чтобы погреться. Их неумение обращаться с русской печью стало причиной пожара, а начальство свалило всё на партизан, якобы поджёгших избу. Были приняты ответные меры…Ранним утром, когда полк Терехова подходил к Толочину, командир вдруг придержал коня и поднес к глазам подзорную трубу.

— Посмотри, Репнин, — промолвил он, — посмотри, у тебя зоркие глаза. —Что там витает над церковью? Облако или дым?

Тот всмотрелся.

— Господин майор! Церковь горит!

— Бери с десяток самых резвых молодцов и во весь опор — к Толочину! Не спроста это… Чует моё сердце!

Репнин с маленьким отрядом помчался к городу. Подскакав к горящему Толочинскому монастырю, он лишь чудом успел предотвратить беду. Разбив дверь, гусары помогли выйти из задымлённого монастыря пятистам русским пленным, которых французы там заперли, и, уходя, подожгли.

Возле Толочина полк стал на биваках. Измученные люди получили краткий отдых… Проезжая через просеку, Репнин увидел троих мертвецов, лежащих в обнимку, словно пытавшихся сообща, в последнем усилии сохранить тепло.

Вот усатый гренадер, с уродливым шрамом на губе. Рубец старый, полученный, возможно, под Аустерлицем. Вот юноша, почти мальчик, с нежным мраморным лицом, застыл с детской улыбкой на лице. А вот, заросший бородой, закутанный в какое-то тряпьё тщедушный мужчина. Скорей всего, легионер… возможно, итальянец. Он бережно прижимает к себе маленький саквояж, не желая расстаться с ним даже в смерти. Репнин снял кивер и перекрестился.

Пошёл снег, и сверкающие в лучах заката мохнатые звездочки тихо опускались на русые волосы склонившего голову гусара, на гриву его коня, на тела мертвых солдат. Могли ли предположить эти несчастные, что найдут свой последний приют в сугробах чужой страны?

Тряхнув головой, чтобы отогнать невесёлые мысли, Репнин тронул повод, но, немного отъехав, снова вернулся. Что-то не пускало его… Что-то неестественное в этой мрачной картине притягивало взгляд. Но что? Он силился понять…

Снежинки, падающие на мертвецов, постепенно укрывали их лица. Гренадер и мальчик уже были погребены под белым саваном... И вдруг Репнин вздрогнул от внезапной догадки. На лице того, кого он мысленно назвал итальянцем, снег таял… Значит в этом человеке ещё не погасла жизнь! Кинувшись к неподвижному телу, Репнин поднял его и взвалил на коня. Даже теперь легионер не выпустил маленького чемоданчика из судорожно сжатых рук…

Когда Репнин прибыл в полк, однополчане встретили его добродушными шутками.

— Да-а… Важную персону захватил наш князь!

— Видать, генерала…

— Хватит вам! – строго оборвал шутников доктор Пётр Лукич. – Несите его ко мне. Поглядим, может, удастся вытащить его с того света.

В тепле замёрзший незнакомец действительно очнулся, но был так слаб, что доктор оставил его отлёживаться в лазарете.

— Вы поспели вовремя, – сказал Пётр Лукич Репнину. – Ещё полчаса, и он бы совсем закоченел. Жаль беднягу: ведь он не солдат, а врач. Признаюсь, я рад, что мне удалось оказать помощь собрату по нашей медицинской гильдии.

— А откуда вы знаете, что это врач? Он сказал вам об этом?

— Нет, он пока не в состоянии говорить. Дело в том, что в его саквояже оказались лекарства и хирургические инструменты...

Человек, которого Репнин вытащил из сугроба, оказался на редкость живуч и быстро пошёл на поправку. Через пару дней его присоединили к группе пленных французских солдат, захваченных гусарами Терехова под Красным. Боясь показаться друзьям сентиментальным, Репнин не торопился встретиться со спасённым бородачом, старался о нём не думать, а потом и вправду забыл. Но однажды вечером он оказался вблизи сидящих у костра военнопленных, которым в это время раздавали горячую кашу из закопчённого котла. Постояв с минуту, он повернулся и хотел было отойти, как вдруг ему послышалось, что кто-то из толпы пленных обратился к нему тихонько по-французски:

— Постойте, мсье!

Заслонив ладонью слепящее пламя костра, Репнин стал вглядываться в лица пленных.

— Мсье! — из темноты вышел невысокий бородатый человек в потрёпанном женском салопе. — Вы не узнаёте меня?

Репнин улыбнулся.

— Как же! Узнал, конечно! Вы тот, кого я намедни вытащил из сугроба. Позвольте узнать ваше имя?

— Я с радостью назову его вам, но может быть, вы сами вспомните? Ведь мы не так давно встречались… в Москве…

Бородач повернул лицо к колеблющемуся свету костра. Репнин несколько мгновений пристально вглядывался в него, а потом вдруг радостно вскрикнул:

— Силы небесные! Доктор Джакомо!

Итальянец кивнул и грустно усмехнулся.

— Слава Богу… Я уж думал, что вы меня не узнаете.

— Доктор… спаситель мой! Какими судьбами? Вас действительно трудно узнать! Эта борода… странная одежда…

— Обычный наряд отступающего легионера. Борода, кстати, неплохо согревает.

В глубоком волнении Репнин сжал в объятьях хрупкую фигуру доктора.

— Джакомо… Я чертовски рад! Простите, что не открыл вам в Москве своего настоящего имени. Вы отнеслись ко мне великодушно, но я не мог признаться вам в том, что я русский.

Это мне было известно, – улыбнулся Джакомо.

— Как? Откуда?!

Маленький врач промолчал.

— Как бы то ни было, я помогу вам! За добро платят добром!

— Спасибо, друг мой… даже не знаю, как теперь к вам обращаться. В Москве вы назвались Клодом де Моном, но ваше настоящее имя…

— Кирилл! Кирилл Репнин! Если бы не вы, доктор…

— Для русских я не доктор, а вражеский солдат. Помогать мне не безопасно.

— Что за вздор! Идёмте со мной… Да идёмте же!

Репнин увлек Джакомо за руку и повёл к командиру.

— Разрешите войти! – воскликнул гусар с порога избы, приспособленной под полковой штаб. – Господин майор, это Джакомо Бонкуро, тот самый врач, который помог мне бежать из оккупированной Москвы! Я не узнал его поначалу…

— Доктор Бонкуро? Наслышан о нём, – сказал Терехов, и с нескрываемым удивлением оглядел неказистого пленника. – Вид у него, надо признаться, живописный… Репнин! Надо бы приодеть вашего доктора…. Эй, там, кто-нибудь! – крикнул он, приоткрыв дверь. — Тёплый тулуп сюда, сапоги и всё такое!

— Весьма благодарен… – неуверенно промолвил Репнин. – Но мне бы хотелось сделать для моего друга нечто большее...

— Отпустить его? – прямо спросил Терехов. – А вы уверены, что это станет для него благом? Куда ему идти? Тысячи французских солдат гибнут на дорогах! Наполеон бросил их на произвол судьбы…

Все помолчали.

— Доктор! — вдруг промолвил командир по-французски, взглянув в глаза Джакомо. – Оставайтесь с нами! Будете помогать Петру Лукичу... Это ваш коллега, полковой врач… Вы будете нашим другом!

Блестящие агатовые глаза итальянца наполнились слезами. Он проглотил подступивший к горлу комок и отрицательно покачал головой.

— Тронут вашей добротой… но должен отказаться. Что бы со мной ни случилось, я останусь верен присяге. Если в вашей воле даровать мне свободу, я приму её с радостью. Но служить вам не стану!

Терехов и Репнин переглянулись.

— Ну, что ж… Всё ясно, – заключил майор и снова нетерпеливо кликнул денщика. – Капрал! Где одежда?

Солдат тут же принес внушительный сверток, и Терехов, улыбаясь, вручил его доктору.

— Это ваше. И ещё вот… – Он набросал несколько слов на листе бумаги, который тоже отдал Джакомо. – Здесь приказ о вашем освобождении, чтобы вы могли беспрепятственно пройти через сторожевые посты.

— А конь? Коня вы ему дадите? – вмешался Репнин, пользуясь хорошим настроением своего командира.

Терехов улыбнулся.

— Что с вами поделаешь… Казнить, так казнить, миловать, так миловать. Дадим и лошадь.

— Грациа, – прошептал Джакомо.

ОРЕЛ, В.Н.
За взлётной полосой: повесть, очерки и рассказы \ В.Орел. — Краснодар: Традиция, 2009. — 176 с.:ил.

Гвоздика

На станции в купе скорого поезда Львов – Киев вошёл мужчина лет сорока. В петлице – яркая гвоздика. Аккуратно поставил на верхнюю полку чемоданчик. Попросив разрешения, подсел к молодым людям, которые о чём-то оживлённо спорили. Спор оборвался. Один из них, посматривая на вошедшего, весело проговорил:

— Могу угадать, откуда едет наш попутчик.

— Вряд ли...

— У вас гвоздика в петлице – значит, были на свадьбе!

Лицо мужчины помрачнело, на переносице сошлись две глубокие морщины. Незадачливый отгадчик оправдывался – почувствовал, что сказал лишнее: — Я, конечно, могу ошибаться... Но – цветы?

— Цветы? – Пассажир повторил это слово медленно. — Хорошо. Я вам расскажу о моей гвоздике. Может, не всё будет складно, но как есть. Дорога у нас долгая.

Молодёжь притихла.

— Меня зовут Кирилл Кузьмич, — начал незнакомец. — Война застала меня на границе. События подхватили, не давая опомниться. Окопы, разбитые просёлочные дороги, непролазная грязь… И тоска, горечь отступления... Всё сплелось в одном слове — война. Мы отступали. Война измеряется не днями, а боями. Из боя в бой — солдатский путь. Но вот всё переменилось. С боями шли мы на Украину. К тому времени я командовал батальоном.

Не помню откуда, только оказалась в батальоне хрупкая сероглазая медсестра. Где трудно — там она. Не одного раненого из-под пуль вытащила.

Перестук колёс на стрелках напомнил: впереди станция.

— Украина, Киев!.. Иду по разрушенному Крещатику. Немцы огрызаются всё яростнее. Была весна сорок четвёртого года. В одном из боёв меня ранило. Немцы накрыли огнём наш командный пункт. Первое, что я увидел, когда пришёл в сознание, — серые глаза. По-детски доверчивые, полные нежности... Может, всё было не так?

Кирилл Кузьмич достал папиросу, повертел в руках, посмотрел на притихшую в купе молодёжь. И решительно положил папиросу на столик.

— Курите! — в один голос предложили девушки.

— В другой раз. Нина, так звали медсестру, повезла меня в госпиталь. Долго стояла у кровати. Потом спросила: «А когда поправитесь, к нам вернётесь?» Я кивнул.

Слово сдержал, догнал батальон в разгар лета. Вхожу в землянку. А Нина стоит в солдатской гимнастёрке, ворот расстёгнут, на плечи падает волна волос. Не думал, что они у неё такие... Смотрю – и ничего не понимаю. Только чувствую: происходит что-то серьёзное, важное...

Он замолчал.

—А потом? — осторожно спросили девушки.

— Она каждый раз перед боем вбегала ко мне в землянку или в блиндаж, улыбалась одними глазами. И исчезала. В бою оказывалась на самом трудном участке. Маленькая, бесстрашная...

Мы штурмовали небольшой зелёный городок. Кто-то рядом проговорил: «Цветы». Это была Нина. Она зачарованно смотрела на газоны. Шёл бой. Из окон, с крыш, чердаков неслась смерть. А Нина любовалась цветами.

Неожиданно автоматная очередь прошлась по стене дома, у которого мы стояли. Прежде чем я успел что-то понять, Нина встала впереди меня. Вторая очередь — по ней!

Нина опустилась на клумбу. Она лежала с полузакрытыми глазами. Её ладонь сжимала стебелёк гвоздики.

— Я знаю — я умру... Возьмите эту гвоздику... — ей трудно было говорить. — Наклонитесь ко мне...

Кирилл Кузьмич достал папиросу, долго чиркал спичкой о коробку. Кто-то дал прикурить.

— ...Вот и всё. А гвоздика осталась, — тихо закончил он.

Вышел в тамбур.

— Вот и всё, — сказал он кому-то.

ДЕБЮТ

Сегодня, когда не только к литературе, но и к первооснове культуры и самобытности народа – к родному языку потерян интерес у большинства наших соотечественников, особенно трогательно наблюдать, как в глубинке пробивается к свету «литературный подлесок» – плеяда начинающих самобытных авторов, для которых поэзия — возможность сказать ближнему о наболевшем, о сокровенном, о том, что волнует. Литературные объединения края не просто возрождаются, не просто работают, они набирают силу и достойно продолжают традиции своих талантливых предшественников. Пусть их перо не до конца отточено, зачастую им недостает мастерства, но в их поэтических опытах есть главное — искренность, любовь к жизни и редкая способность удивляться красоте окружающего мира. Филигранность придёт, если есть чуткое отношение к слову. На страницах газеты «Кубанский писатель» — дебют членов литературного объединения станицы Брюховецкой. Не судите слишком строго, ведь их творческий путь только начинается.

Виктор Будяк

Верность

Пришла война, надели вы шинели
И вещмешок потуже завязали.
Открыли двери в свинцовые метели
И в сорок первом навсегда пропали.
Вы помните, ведь с вами был мой дед.
Он до войны жил в Туле и Казани.
Всегда носил он при себе кисет
С заветной надписью:
«Любимому —от Тани».

Татьяна та женой ему была…
Она прощалась, чувства не скрывая.
Глаза печально к небу возвела,
На трудный путь бойца благословляя.
И он ушёл, за ним клубилась пыль,
.И даль закатом алым окропилась
Стелился нежно у дорог ковыль
И думалось, что всё это приснилось.
Потом прислал он ей одно письмо,
Которое написано в землянке:
Горел фитиль, и у плеча — ружьё,
И рядом тихий голос пел «Тальянку».
Но писем больше не было. Они
Куда-то канули, куда-то вдруг пропали.
А между тем незримой болью дни
Всё гуще в косы седину вплетали.
Она уже ночами не спала,
И сердце от предчувствия рыдало,
Когда как ворон, к дрогнувшим ногам
Однажды извещение упало.
…Она не верит, что он не придёт.
Она внучатам говорит об этом.
И вместе с ними ждёт его и ждёт.
Зимой, весною, осенью и летом.

Александр Суворов

Ссора

Сегодня мы поссорились с тобой,
Хоть солнце светит, но оно не в радость!
И неба цвет уже не голубой,
Какой-то серый. На душе усталость…

Всё падает и валится из рук,
Обида в сердце запеклась смолою.
Скажи, уже ль тебе, мой милый друг,
Так важно, кто не прав из нас с тобою?

Когда поблёк весь мир, то смысл какой
Хранить в себе душевное ненастье?
Давай скорей помиримся с тобой,
И ярким солнцем засияет счастье!

Две души

Две души — пораненные птицы,
Крылья залечив свои едва ли,
Поспешили в небо взвиться,
Позабыв про боли и печали.

Закружиться в синеве небесной
Радостно, свободно и беспечно.
И счастливей не было их песни,
Им казалось — это будет вечно!

Только счастье так легко нарушить!
Грянул выстрел — и былые страхи
Вновь пронзили раненые души.
Отрезвевши, разлетелись птахи.

Герой

С гордою осанкой паренёк-подросток
Перед телекамерой стоял:
Как всё получилось? —Да всё очень просто:
Я на льду с мальчишками играл.

Вдруг услышал крики, оглянулся — вижу,
Как девчушка тонет в полынье.
И не растерялся, и подполз поближе,
Вытащил, бедняжку, на ремне.

Наш «герой» в смущенье (вроде, так и надо),
Но в глазах — гордыни огонёк.
Вспышки фотокамер и часы в награду
«Скромно» принимает паренёк…

Ночью возле внучки бабушка присела:
«Ах, как сладко спит наш ангелок!»
сморщенные руки к небесам воздела:
«Славься, наш Иисус, живой наш Бог!»

«Истинный Спаситель! Ты через мальчишку
Руки свои добрые простёр!...»
В благодати Божьей мирно спит малышка,
И не слышит бабкин разговор…

СМС

То мы хвалим, а то — ругаем
Человеческой мысли прогресс:
В Интернете уже подбираем
«Виртуальных» мужей и невест.

Хорошо это? Плохо? — Не знаю.
Между нами — невидимый мост:
Я тебе СМС набираю —
Полетит весть за тысячу вёрст.

За секунды быстрее ракеты
Унесутся тревоги мои:
«Дорогая, ну где же ты, где ты?
Не молчи, я молю, позвони!»

Не при чём здесь они (я-то знаю!),
Но кляну МТС, «Мегафон»,
И, под утро, уже засыпая,
Под подушку кладу телефон.

Но — увы! Видно не помогает
Человеческой мысли прогресс.
Если в сердце любовь остывает,
Не поможет уже СМС.

Валентина Сопильняк

О, женщины!

Они своих не помнили заслуг,
По семеро впрягались бабы в плуг,
Чтоб хлеб родили минные поля,
Чтоб ровной стала рваная земля.

Когда увидишь, что идут они
Встань перед ними, голову склони,
Вскормила эти хлебные поля
Залатанная бабами земля!

Возраст поэта

Ищут многие ответа:
Есть ли возраст у поэта?
Судят, рядят и гадают,
Все лета его считают.
Вам ответить попытаюсь,
Кое в чём сама признаюсь —
Ведь поэт из века в век
Он такой же человек.
Не такой… чуть поскромнее.
Повнимательней, добрее.

Видит мир он остро, зорко
И не спит порой до зорьки…
Всё его тревожит, гложет,
Может, чем кому поможет,
Зная, движет всеми вновь
В сердце вечная любовь.
Памятуя притчу эту,
Будет пусть моим ответом:
— Лишь любовь, как лучик света,
Правит возрастом поэта!

Прости на всех!

Христос Воскрес!
Христос Воскрес!
Мы слышим звон колоколов,
И опускается с небес святое
Имя из веков.

Оно пришло, как Божий дар,
Как очищение земли.
И молится земной наш шар,
Чтобы спасти его смогли.

Святой Господь!
Ты так могуч,
Что в день нам даришь
Солнца луч.
А в ночь нам даришь
Мир, покой,
Войди к нам в сердце, успокой.

Святой наш всемогущий БОГ!
Приди на грешный наш порог,
Святым крестом нас окрести,
И всех, пожалуйста, прости…

Татьяна Коваленко

***

Не надо, не рассказывай о прошлом.
И не жалей того, что было. Не грусти.
Не вороши воспоминаний. Осторожно,
Как лист прочитанный переверни.
Не напрягай с надрывом свою память.
Пусть прошлое останется в былом.
Пусть свалится с души тяжёлый камень.
Пусть всё, что было, бу дет просто сном.
Не надо, не рассказывай о прошлом.
Отчаянье на волю отпусти.
И всех, кого нельзя и кого можно,
От всей души, пожалуйста, прости.
И успокой истерзанное сердце.
И улыбнись. И снова жить начни.
И счастью приоткрой навстречу дверцу,

МАСТЕРСКАЯ

Владимир Маяковский: «Бесконечно разнообразны способы технической обработки слова, говорить о них бесполезно, так как основа поэтической работы именно в изобретении способов этой обработки, и именно эти способы делают писателя профессионалом. … …

1. Поэзия – производство. Труднейшее, сложнейшее, но производство.
2. Обучение поэтической работе – это не изучение изготовления определенного, ограниченного типа поэтических вещей, а изучение способов всякой поэтической работы, изучение производственных навыков, помогающих создавать новые.
3. Новизна, новизна материала и приема обязательна для каждого поэтического произведения.
4. Работа стихотворца должна вестись ежедневно для улучшения мастерства и для накопления поэтических заготовок.
5. Хорошая записная книжка и умение общаться с нею важнее умения писать без ошибок подохшими размерами.
6. Не надо пускать в ход большой поэтический завод для выделки поэтических зажигалок. Надо отворачиваться от такой нерациональной поэтической мелочи. Надо браться за перо только тогда, когда нет иного способа говорить, кроме стиха. …»

СТИХОСЛОЖЕНИЕ – искусство организации мерной художественной речи, отличающейся от прозы системой определенных рядов и повторов. Все системы ***стихосложения*** разделяются на две основные категории – метрические и дисметрические. Метрические системы ***стихосложения*** – античная, силлаботоническая, силлабическая, тактометрическая; общий признак их – строение стиха на принципе ритмических модификаций. Дисметрические системы – аллитерационный стих, акцентный стих (ударник), интонационно-фразовый (фразовик) и раёшный. К области ***стихосложения*** относятся также и другие стороны технологии стиха и стилистики – строфика, рифма, анафора, эпифора, ассонансы, аллитерации и прочие виды благозвучия.

БАНАЛЬНЫЕ РИФМЫ (франц. banal) – избитые, примелькавшиеся рифмы: море – горе, кровь – любовь, даль – печаль, слезы – морозы – розы, волн – полн и т. п. Некоторые из этих рифм по своему звучанию относятся к разряду богатых рифм (роза – мороза), но вследствие частой повторяемости в стихах они примелькались и утеряли тот минимум неожиданности и ту свежесть, какие необходимы для богатой рифмовки. К ***банальным рифмам*** относятся глагольные рифмы, рифменные пары существительных с окончанием на «ение» и «ание», прилагательных на «ой» и т. п.

БОГАТАЯ РИФМА – наиболее полное совпадение в рифмуемых словах звуков, не только согласных, начинающих ударный слог, но и звуков, предшествующих ударному слогу: демократ – стократ, канала – доканала, матовая – выматывая.

Пример

По станице тополи
Гнутся на ветру.
По станице топали
Кони поутру.
(А. Сурков)

МЕЛОДИКА СТИХА (от греч. μελωδός – поющий) – стиховедческий термин, относящийся к упорядоченной стиховой интонации, к системе интонационных фигур. Содержание термина недостаточно определилось. Немецкий исследователь Э. Сиверс считает, что ***мелодика стиха*** создается повышением и понижением голоса в произносимом стихе; это – звуковая мелодия. Слоги в таком стихе располагаются «по тем высотам, которые диктуются смысловым и эмоциональным ударением контекста, или, короче, естественным фразовым ударением». В отличие от Э. Сиверса, советский исследователь стиха Б. Эйхенбаум под ***мелодикой стиха*** разумеет «сочетания определенных интонационных фигур, реализованные в синтаксисе». Таким образом, ***мелодика стиха*** в лирике выражается в системе вопросов и восклицаний, в интонационной симметрии, в синтаксических и лексических повторах, нарастании и т. п.

(из словаря А.П.Квятковского)

Литературный запасник

ДЕКЛАМАЦИЯ

В Республиканском Риме, когда в управлении преобладали демократические институты власти, существовала оригинальная форма риторического упражнения в речах, позаимствованная из раннегреческих ораторских школ, называемая **декламацией** (от лат. **deklamatio** – говорю). Материалы для декламаций, как и ораторская практика, брались из оригинальных, запоминающихся эпизодов повседневной жизни, отчего риторика, в обратном порядке, оказывала ощутимое влияние на общественно-политическую жизнь. Римляне учились этому искусству у особых учителей – **декламаторов.** Среди профессиональных ораторов и государственных должностных лиц декламация имела огромный успех. На пирах, особенно с «эллинским» уклоном, устраивали декламацию отрывков из эпических поэм. Исполнитель при этом держал ветку лавра или мирта в левой руке и оживленно жестикулировал, причем важную роль в этой жестикуляции играли пальцы рук**.**

При императоре Августе управленческая ситуация изменилась в пользу авторитаризма, настроение в обществе круто изменилось, политика стала не в моде, и в этих условиях искусственная декламация оказалась нежизненной и даже абсурдной, оставшись в поэтических кругах.

ЗАКЛАД

Среди многочисленных древнегреческих государств-полисов существовала традиция, по которой, при нападении врага пострадавшие жители препровождали скот и движимое ценное имущество в соседнее дружественное государство. В таком случае переносимое имущество, ценности и продовольственные запасы, также скот назывался **закладом.** Он оставался здесь до тех пор, пока не наступал мир и спокойствие. Существовало правило, при котором заклад не облагался торговой пошлиной при ввозе, а при возврате на родину хозяева не несли никаких издержек. Зато если они пытались продать его полностью или частично на месте, то продаваемое считалось товаром, и тогда оно облагалось пошлиной в полной мере. Это правило распространялось также на приплод от скота «в закладе».

На Руси заклад считался вещественным обеспечением любого ответственного поручения или денежного займа. Иногда это был **залог,** даже людьми (отсюда «*заложник, заложница*») в обеспечение межгосударственных договоренностей**.**

Ведущий рубрики
Анатолий Ильяхов

ПОЭЗИЯ

Геннадий Пузанов

***

Бывает, легкая случайность,
Как мимолетный ветерок,
Тебя коснется вдруг нечаянно,
И вмиг становится серо.

И день не тот, и вечер нуден,
И сам себе уже не рад,
И ждешь, когда ж унылость буден
Наденет праздничный наряд.

Душа омоется росою,
Тоска невнятная уйдет.
И вновь распахнутой красою
Надежды радуга взойдет.

***

Спит Кубань, черноброва дивчина,
Злые ветры мнут степь-сухомять.
Опаленные солнцем станицы
Бликом крыш опрокинулись вспять.

Ты мила мне до боли, до хрипа,
Степь ковыльная, судеб стезя.
Шелест листьев раскидистой липы
Даже дням грустным вырвать нельзя.

Гей, Кубань моя, вольна сторонка,
Над тобою дух Божий кружит!
Как хочу я, чтоб чисто и звонко
Прошумела проказница-жизнь.

***

Не верится, не верится –
Стучит в висках ознобом.
Так мать, лаская первенца,
Склоняет лик пред Богом.

Черты лица увядшие
Полны печалью светлою.
О, встаньте, наземь падшие,
Омойте душу верою.

Идти дорогой долгою,
Что смять калину красную.
Зажать в себе ж трель звонкую,
Что жизнь прожить напрасную.

***

Женщина в белом, с розовым веером
Рядом со мною и врозь.
Чувством хорошим по сердцу повеяло
Так, что душа в изморозь.

Руки точеные, профиль с горбинкой,
В жестах – изящество чувств.
Знать, испугавшись пучины глубиной,
Я, как мальчишка, молчу.

Что ж, подфартило кому-то в сей жизни,
Только б цветок не сгубить.
Нежную цветь отгорающей вишни
Бережно нужно любить...

Валерия Токарева

* * *

Живы… С дерзостью птенца
В мир несли свои порывы,
Оставляли мать, отца,
Слыша за спиной: «Счастливо!»
Вдаль спешили от крыльца
С возгласом победным: «Живы!»
…Я – цветочная пыльца
В пору осени дождливой…

Биты… Боль смахнув с лица,
Вспомнив навыки защиты,
Уклонялись от свинца,
Пропускались через сито.
И… глотали вновь живца
С хрипом: «Живы, хоть и биты…»
Я цветочная пыльца
На растерзанном граните…

Ретро… Распахнув сердца,
Рвались в бой, в высоты, в недра,
В тень тельца, под сень венца –
Жили, бились, пылко, щедро –
Вечный бег внутри кольца –
И отстали – стали «ретро»…
… Я – цветочная пыльца
Под шальным порывом ветра…

НЕЖНОЕ

А вот и парк нежнейшей нашей встречи.
Мы день за днём зачем-то шли сюда…
Ты тихо спросишь – тихо я отвечу:
«Запомнишь всё?» – «Запомню навсегда»…

Твой силуэт в просвеченной беседке,
В тени ресниц и клёнов – тишина…
И старый парк запомнит каждой веткой,
Как нежен ты, как я сейчас нежна.

Нежнее всех – нежнее водной глади,
Нежней луча, лелеемого в ней,
И листьев, льнущих к вычурной ограде,
И паутинки призрачной нежней.

Настолько чутки трепетные руки,
Что им прикосновенья не нужны.
Сквозной аллеей мы идём к разлуке…
И, потому, как никогда, нежны.

* * *

Духом правящие стихии,
Мне пошлите слова такие,
Что не вырубятся топором,
Даже если пойду на плаху
В искупленье грехов и страхов –
Виноваты они кругом.

Их, рождённых не на бумаге,
Как девиз на небесном стяге
Кто-то тихо спускал ко мне –
Создавал неведомый кто-то,
Уступив мне одну заботу –
Лишь расслышать их в тишине.

Но, нечуткая к зову свыше,
Я теряла способность слышать,
Отвлекаясь на треск пустой –
Приходила в себя во гробе,
Изнывая в смертном ознобе,
Как землёй, давясь немотой.

Не до торга мне, вестник света –
Принимаю любую смету –
Дай слова мне взамен минут!
Мало?.. Но ничего нет больше…
Впрочем, стой! – вот последний грошик,
Что блаженством вечным зовут.

* * *

Ещё азарт с удачей нам нужны,
Ещё промашки хлёсткие не тяжки,
И так легко уверовать в поблажки
И отмахнуться от любой вины…
Душа, душа – подтельная рубашка –
Та самая, в которой рождены…
Уже беду мы ведаем нутром,
И боль из нас глядит через глазницы,
И не в себя, а от себя бы скрыться! –
Рассыпаться затоптанным костром…
Душа, душа – под плотью власяница –
Та самая, в которой и помрём.

ПЕРЕД ДОЖДЁМ

Ты сыграй мне мечту о прохладе
И мельканье теней на стене,
Аромат обречённого сада,
И слова, неподвластные мне.

Всё, что канет в безмолвие вскоре…
Клавиш жаждущих, нежно коснись,
Как касается жаркого моря
Мимолётно ласкающий бриз.

Пусть листву шевельнут твои звуки,
И расплавятся в блеклом стекле,
И прелюдию вечной разлуки
Посвятят утомлённой земле.

Обессмерти тревогу акаций,
Волн смятенье и лунную дрожь –
И потоком нежданных оваций
В ночь ворвётся восторженный дождь.

По деревне ходит Каин…
А. Тарковский

* * *

Заметался в деревне расхристанный ветер,
Блудный сын городских продымлённых окраин –
Разлучённый с зимой, не узнавший о лете,
Неприкаянный ветер, а может – сам Каин.

Он зачем-то вернулся на бренную землю –
Или слишком простой показалась расплата?..
На любой он осине раскачивал петли,
Под любым он кустом видел мёртвого брата.

Он все стёкла побил – да не режут осколки,
Колотился о стены, не чувствуя боли,
И бросал себя в омут, протискивал в щёлки,
А потом разрывал между небом и полем.

И в копну он зарылся на миг с головою,
Но вдохнув её резкий-убийственный! – запах ,
Он шарахнулся в лес, прямо к волчьему вою,
Средь кустов проходить истязаний этапы.

Наконец, он смирился пред вечной виною,
Каждой бабой обруган, и шавкой облаян,
Растворился во мраке, оплакан лишь мною…
Он придёт через год, заблудившийся Каин.

* * *

И только янтарный истаявший отблеск
Уснувших пожарищ роняет ноябрь.
Туман сотрясает тревога ль, озноб ли,
Венчаются в воздухе сырость и гарь.
И омут, и мостик, и филина вопли
С реальностью в прятки играют, как встарь.

Предлесье, предзимье – иль предначертанье?..
И бред одиночества: «Впредь – никогда…»,
А я торопливо читаю посланья,
Что рябью выводит больная вода,
О том, что опальное лето в изгнанье,
И в летнюю ссылку не сыщешь следа.

Пресытился ветер – раздеты все ветки,
Похмелье справляет усталая грязь,
От буйства былого одни лишь объедки,
Тропы неразборчива древняя вязь.
Земля подбирает продрогший луч редкий,
К монашке-зиме за причастьем склоняясь.

Газета Краснодарского регионального отделения Союза писателей России
Кубанский Писатель
Зарегистрирована Кубанским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.
Учредитель – КРО СП России.
Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Зам. главного редактора: В. И. Яковлев
Ответственный секретарь: В. А. Динека
Редколлегия:
В.А. Архипов, Л.Д. Бирюк, Н.Т. Василинина, А.В. Горбунов, Н.Ф. Иванов (Москва), Н.А. Ивеншев, Б. И. Лукин (Москва), Л.К. Мирошникова, В.Д. Нестеренко, Н.В. Переяслов (Москва), А.Н. Пономарёв.

Компьютерная верстка и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
350000
г. Краснодар, ул. Коммунаров, 43
тел. 8-961-509-30-53,
тел. 262-09-11
E-mail: snmakarova@mail.ru
Электронная версия газеты на сайте Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина
www.pushukin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флёр-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2

Заказ № 4405
Подписано в печать
в 10.00, 12.08.10 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная